

Лидов, Петр. Взятие Гродно. Бои за Гродно в 1939 году глазами советского корреспондента / вступление А.Вашкевич, А.Чернякевич // Сайт <http://harodnia.com.-07.05.2015>.

Про оборону Гродно осенью 1939 года в самой Польше, казалось бы, написано уже достаточно, начиная от воспоминаний Гражины Липинской и заканчивая последними публикациями, где все события представлены буквально по часам.

Три дня кровопролитных боёв местного гражданского ополчения и остатков регулярных частей польской армии с советскими войсками давно уже легли в основу канона польской истории. И это не случайно, ведь Гродно стал, фактически, единственным городом, оказавшим отпор Красной армии.

Но как это ни парадоксально, но мы практически не знаем взгляда на происходящее глазами советских солдат, участников боев за Гродно. За небольшим исключением, мы практически их не знаем, продолжая воспринимать словно однородную, безликую массу, лишенную каких либо индивидуальных черт. И восполнить этот пробел сегодня кажется весьма сложным...

Именно поэтому, попавший нам на страницах «Свободной Беларуси» текст военного корреспондента Петра Лидова показался нам, по своему уникальным. Написанный буквально по горячим следам, этот цикл из нескольких журналистских репортажей сегодня, когда есть огромный корпус документов и воспоминаний участников обороны, уже не кажется только «кривым зеркалом», которое лишь искажает действительность. Пускай в духе советской публицистики, полный идеологических штампов и шаблонов, он, фактически первым, дал собственное представление о происходившем, опередив на десятилетия публикации современных польских авторов.

Не менее интересной, в этой связи, выглядит и фигура самого автора. Петр Лидов прошел путь от токаря, редактора газеты «Мартеновка» московского завода «Серп и молот» до корреспондента газеты «Правда». В Гродно он попал почти вместе с частями Красной армии, в рамках «спецкомандировки», поэтому писал обо всем буквально по горячим следам. Уже позже, в годы Великой отечественной, ему уже в качестве военкора довелось первым написать о юной партизанки Зои Космодемьянской, положив начало ещё одной легенде советской эпохи.

Скорее всего, и герои его заметок про взятие Гродно могли стать частью советского пантеона. Однако, новая, а на самом деле – всё та же, война внесла свои коррективы и большинство из советских солдат, участвовавших в боях за Гродно, пали на полях сражений следующих шести лет.

Андрей Вашкевич
Андрей Чернякевич

Соппротивление, оказанное врагом под Гродно, было предсмертной конвульсией польской военщины. Офицеры польской армии, бежавшие с западного и восточного фронта, сконцентрировались в Гродно, в количестве около трёх тысяч. С одной стороны у них были литовская граманица, с другой – наступающие советские войска. Податься было некуда... Спесивые шляхтичи решили хлопнуть дверью прежде, чем покинуть историческую сцену.

Гродно явился подходящим для этого пунктом. Город стратегически удобен для обороны. Протекающий в долине, Неман отделял его от наступающих. В городе много высоких точек, с которых удобно обозревать и обстреливать местность.

В Гродно хозяйничали купцы, чиновники и духовенство, национальный гнёт и насильственное ополячивание белорусов ощущалось тут особенно остро. Крайне правым махрово-националистическим организациям удалось довольно широко распространить своё влияние, в частности, на учащуюся молодёжь.

Ожидая прихода красных частей, рабочие, преимущественно белорусы и евреи, организовались для помощи нашим бойцам. Власти, войска гродненского горнизона и местная полиция разбежались ещё 17 сентября, как только узнали, что Красная Армия перешла границу. Город был оставлен на попечение какой-то, наспех организованной, «рады». Порядок должна была поддерживать «стража обывательска» - подозрительные люди в штатском, с красно-белыми повязками на руках. Это были цвета перевёрнутого национального флага.

В действительности же ни власти, ни порядка в городе не было. Политические заключённые, (в гродненской тюрьме их было около 250) настойчиво требовали, чтобы их освободили. 18 сентября к тюрьме подошли рабочие с требованием выпустить политических. Высшая тюремная администрация скрылась и перепуганные тюремщики вынуждены были выполнить это требование. Они начали по одиночке освобождать политических узников. Когда об этом узнали уголовные, они выломали двери своих камер, а за одно и двери в камерах политзаключённых.

В город тем временем непрерывно прибывали польские офицеры, подофицеры, капралы, полицейские. Они двигались отрядами и по одиночке на велосипедах из Вильно, Скиделя, Сувалок, Осовца, Белостока, Августова – удирая от советских и германских войск. Сюда съехалось до двух десятков генералов. Были тут и рядовые солдаты, которых удалось убедить в том, что большевики – это кровожадные звери и попасться к ним равносильно смерти.

Золотопогонная свора быстро установила контакт с местными лидерами ОЗН (обоз зъєдначєня народоўєго, а по русски – лагерь национального объединения). Так называлась правящая партия пилсудчиков, смиглых, беков, мосцицких. Гродненской организацией ОЗН руководил директор табачной фабрики Валицкий. Офицеры местной организации ОЗН захватили казармы и оружие, оставленное разбежавшимся гарнизоном и стали готовиться к обороне. Каждому, кто соглашался драться, была обещена крупная сумма денег. Деньги выдавались на день вперёд. Началось лихорадочное укрепление подступов к городу. В штабах 76 и 81 пехотных полков сынкам местной националистической буржуазии раздавалось оружие. Особенную активность при этом проявили так называемые «стрельцы».

...Уже 17 сентября в штабе 76 пехотного полка шла вербовка добровольцев из числа «стрельцов». Завербованные «охотники» тут же получали оружие, деньги и переодевались в солдатскую одежду. Здесь же их разбивали на звенья по 7-8 человек. В эти звенья включали также солдат или полицейских.

Одним из деятельных организаторов этих добровольческих отрядов был член ОЗН капитан запаса польской армии Эдвард Романовский. Бывший служака царской армии, в 1920 году он вступил в легион Пилсудского и сражался против Советской России. За это он получил осаду, но не пожелав стать землевладельцем, продал её за 60 тысяч злотых и поступил на службу в гродненское казначейство. В начале польско-германской войны Романовский был назначен комендантом Гродно по противовоздушной обороне. Когда же советские войска перешли границу, он стал во главе погромщиков и бахвалился, что зальёт улицы еврейской и большевистской кровью.

Помимо пилсудчиков к обороне города привлекалась контрреволюционная шваль самых разнообразных мастей и оттенков. Один из отрядов был создан, например, петлюровцем Ефимом Чепурным. Группа украинских националистов, возглавляемая Чепурным, руководилась из Варшавы вторым отделом польского генштаба. Руководство это осуществлял крупный работник генштаба, бывший петлюровский полковник Чеботарёв. 20 петлюровских молодчиков, находившихся под командой Чепурного, были привлечены для участия в сопротивлении и получили: 10 пулемётов «Льюис» с патронами, 5 пулемётов «Гочкис», 15 винтовок с патронами, 20 револьверов, 120 гранат, 5 килограммов пироксилина. Ну и разумеется – по 100 злотых на рыло в виде аванса за кровавую «работу».

Чепурной получил приказание в случае сдачи города припрятать оружие для борьбы с Красной Армией в её тылах.

Вооружившись, чёрная сотня решила обеспечить себе тыл в предстоящей борьбе. 18 сентября она начала громить еврейские кварталы, участвовавших в народной милиции – евреев, еврейских женщин и детей, издеваться над трупами убитых.

Политзаключённых, которые освободились в этот день из тюрьмы, на улице встречала огромная толпа. Раздавались возгласы приветствий, звучали поцелуи, лились слёзы радости и умиления. Часть политзаключённых смешалась с толпой и вместе с ней разошлась в разные концы города. Однако, наиболее сознательная и передовая часть – бывшие коммунисты и коммунистки решили, что их долг сейчас – с оружием в руках помочь армии рабочих и крестьян.

Они двинулись по улице, подняв кверху сжатые кулаки и провозглашая лозунги:

- Да здравствует Красная Армия.
- Да здравствует Советская Белоруссия.

Навстречу в автомобиле ехал какой-то адвокат. Машину остановили, бледного, трясущегося от страха буржуа обыскали, отобрали у него револьвер, гранаты, патроны и пошли дальше. В пустовавшем здании I-го полицейского комиссариата на Академической улице рабочие приготовили политзаключённым еду – хлеб и сыр. Полицейские оставили в этом доме много винтовок, целые кучи патронов. Пока освобождённые из тюрьмы ели и вооружались, в одной из комнат заседал тюремный комитет. Его руководителем был Филипп Пестрак, белорусский поэт, бывший член компартии Западной Белоруссии. Он провёл в заточении почти одиннадцать лет своей жизни...

Комитет решал, что делать дальше. Никто не знал города, неизвестно было, где враги, и где друзья, с кем сражаться, откуда ждать подмоги. К тому же выяснилось, что лишь немногие умели стрелять. Выслали разведчиков, но те не вернулись. Пестрак одел патронташ, взял винтовку и построил своих товарищей в шеренги. Один из гродненских рабочих вызвался провести отряд из города. Он первым вышел за ворота и тут же упал сражённый пулей жандарма.

Тогда решено было перелезть через забор и пересечь городской парк. Но в городском саду озовцы окружили заключённых и снова отвели их в тюрьму.

Тюремной администрации не было. Она продолжала трусливо отсиживаться в подвале, предоставив хозяйничать офицерам. Здание оглашалось воплями избиваемых. Известный тюремный палач – надзиратель Ковальский, чиня расправу, расколол приклад винтовки о голову и плечи своих жертв...

Была ещё одна группа политзаключённых, которая, выйдя из тюрьмы, укрылась в ограде фарного костёла. За этой группой охотился отряд «стрельцов» и полицейских. В отряде было 13 человек, руководил ими «стрелец», лицеист третьего класса Василевский. Политзаключённых выбили из костельной ограды. Когда они бежали через огород епископа, «стрельцы» дали несколько залпов. Трое товарищей были убиты, пятеро ранены, а пятерых банда Василевского захватила в плен. Василевский, взяв на подмогу четырёх полицейских, вёл эту пятёрку мужественных, но безоружных людей в тюрьму, избивая их и издеваясь над ними.

19 сентября в городе продолжался погром. Главным организатором и вдохновителем его был президент города Роман Савицкий...

Взятие Гродно

...Утром 20 сентября, когда рассеялся туман, передовые отряды увидели перед собой Гродно, раскинувшийся на берегах глубоководного Немана. Вслед за разведкой, двумя мощными колоннами – со стороны Крынки и Индуры – быстро приближались мотомеханизированные части. Вот как описывает этот момент в своём дневнике комкор Андрей Иванович Еременко: «Утром 20 сентября я получил приказ образовать подвижную группу, возглавить её и овладеть городом Гродно. Группа двигалась через Крынки, т.е. южным маршрутом. Севернее двигалась группа комдива Петрова.

Я находился в голове колонны. Не доезжая до Гродно километров 15-ти, я несколько оторвался вперёд и неожиданно встретился со взводом пехоты противника, который быстро принял боевой порядок и залёг по обе стороны дороги. Первым это заметил мой шофёр Горланов.

Противник был на расстоянии 250-300 метров. Я сразу же оценил обстановку и приказал шофёру прибавить газу и не останавливаясь ехать прямо на поляков. Противник, повидимому, растерялся и не знал что делать. Мы проехали через его цепь в закрытой машине «Бюик». Со мной находился полковой комиссар Щукин слушитель Академии Генерального штаба РККА.

К 16 часам мы были уже у Гродно. Наше появление вызвало огонь со стороны противника, занимавшего оборону со стороны противника, занимавшего оборону по южной, юго-западной и юго-восточной окраинами города. Наша разведка в город проникнуть не могла, посланные по улицам бронемашин были подожжены противником.

Подошла пехота. Юго-восточная часть города была захвачена нами и началась переправа через Неман.

В 22 часа член Соединённого Совета корпусный комиссар Николаев, комдив Петров и я обсудили план действий на 21 сентября. Было решено, что я со своей группой, усиленной мото-пехотой, атакую с юга и наносу главный удар на табачную фабрику, мост и казармы. Комдив Петров со своими частями, усиленными пехотой, атакует с юго-востока. Захваченную часть города используем для организации переправы.

В 24 часа совещание, происходившее неподалёку от шоссе – закончилось. Бой затих, лишь в городе вспыхивали огни световой сигнализации противника. Я лег было спать, но заснуть не мог и всё обдумывал детали завтрашней атаки. Лишь под утро задремал сидя»...

Гродненские партизаны

Видя, что военщина и буржуазия собирается оказать сопротивление советским войскам, десятки и сотни передовых рабочих готовились также принять участие в борьбе. Они ловили передаваемые по радио сообщения, чтобы узнать, где находится части Красной армии. Гродненская рада использовала радио, чтобы передать сообщение, будто бы, в результате переговоров с польским правительством, Советы отозвали свои войска обратно...

Рабочий-пекарь Иван Лаврентьевич Индушко был призван в польскую армию, в 1-й кавалерийский полк. в один из вечеров была подана команда седлать лошадей и полк выступил на западный фронт. Индушко остался с полевой пекарней в Августове.

В полковом ларьке стоял радиоприёмник. капитан имел обыкновение посиживать здесь, слушая весёлую музыку из Вены и Будапешта. В отсутствие капитана, Индушко заходил сюда, чтобы настроиться на радиостанцию «Коминтерн» и послушать советскую передачу. Так было и в этот день. Трудно описать, что пережил Индушко, услышав текст сводки Генерального штаба РККА! Он бросился в пекарню, сказал товарищам, что работать больше не будет и направился в свою родную деревню Кустиницы. Не задерживаясь здесь, он переоделся в гражданскую одежду, позвал с собою 9 надёжных товарищей и двинулся с ними дальше. 19 сентября Индушко со своими друзьями был уже в Гродно.

Они бродили по улицам взбаламученного города, то и дело встречая группы вооружённых. Банды рыскали по городу, словно сорвавшийся с привязи бешеный пёс. Встречаясь с прохожими, громилы отворачивались и не глядели в глаза, но разминувшись с ними можно было ожидать выстрела в спину.

Индушко помышлял о цветах и твердил про себя первые фразы речи, которую собирался произнести при встрече с Красной армией. Но когда 20-го утром, на Индушском шоссе отряд Индушко встретил нашу разведку было не до речей. Шла стрельба. Индушко

подозвали, опроисли, посадили в броневи́к и велели показывать дорогу к Осовецкому шоссе.

...В деревне Прокоповичи приезжий из Гродно рабочий и двое местных крестьян вывесили красный флаг, устроили митинг, а после митинга пошли в город встречать красных. Но оказалось, что Гродно ещё в руках погромщиков. Константин Миклашевский, Прокофий Хартанович и Антон Анискевич (так звали этих товарищей), войти в город не решились. Возвращаться в деревню было тоже рискованно. Засев на опушке леса, выжидали они удобного момента. И вот, наконец, загрохотали танки.

Харатнович и его товарищи увидели первый советский танк на Белостокском шоссе. Танк был повреждён и возле него, неся охрану, уже прохаживался с винтовкой в руках Иван Индушко.

С Индушко, кроме его девяти земляков, были теперь и городские рабочие: фанерщик Никандр Богуцкий, чернорабочий Анатолий Микевич, каменотёс Степан Турко и другие. К ним присоединились трое пришедших из деревни. Так образовался отряд из 24 человек. Отряд этот действовал на левом берегу, в Занеманском форштадте. Правый берег таких крупных отрядов не имел – он кишмя кишел врагами и рабочим приходилось тут действовать скрыто в одиночку, парами или тройками.

Денёк выдался горячим. Партизаном пришлось участвовать в разведке, уносить и охранять раненых, отыскивать врачей. Немало ценных услуг оказали они танкистам. На улице Кнышинского Микевич встретил группу людей. Пожилой озовонец с винтовкой за плечами нёс в руках бутыл денатурированного спирта. «Стрелец» с винтовкой жевал на ходу помидоры. За ними шагали четыре солдата. как бы невзначай, Микевич спросил у одного из солдат:

- Куда денатурат несёте?

- Сейчас танк поджигать будем, - безразлично ответил тот..

Микевич видел, как негодяи вошли во двор одного из домов по Гроховой улице, вынули тряпки, привязали к ним камни и стали ждать появления танков. Он бросился на Белостокское шоссе. Ещё несколько минут – и остановившиеся здесь танкисты, ничего не подозревая, двинулись бы по Гроховой.

Майор выслушал партизана, подозвал командиров машин и предупредил их о засаде. Заревели моторы, колонна вышла на Гроховую. Дула орудий повернулись к забору, на который указывал Микевич. Грянули выстрелы. Один поджигатель был убит, другой ранен, остальные бросились врассыпную.

На улице Лелевеля против школы два танка попали в ров. На подмогу пришёл отряд партизан. Улица в этом месте была не мощеная, а почва песчаная. Засыпая ров и вытаскивая машины из ловушки, партизаны под пулемётным огнём работали до вечера. Вечером танки ушли. Партизанам велели дожидаться утра.

Индушко и Микевич повели свой отряд за город. Ночевать расположились между Индурским и Белостокским шоссе, на окраине, которая зовётся почему то Палестиной. Ночь тянулась мучительно долго, тишина казалась зловещей. Кто то поднялся и сказал, что сходит домой поесть. Другой заявил, что должен проведать жену. Один за другим люди вставали и исчезали в темноте. Но не все ушедшие нашли в себе мужество вернуться обратно.

Уже светало, когда поднялся с земли Алексей Бертель. Он тоже решил сбегать домой. Бертеля знали, как непримиримого и стойкого человека. За него то можно было ручаться, что он вернётся. Бертель ушёл, а через полчаса невдалеке вспыхнуло яркое пламя. Огонь разгорался,верху взлетали искры, зарево осветило контуры окрестных строений. Партизаны встали и напряжённо взглядывались. Кто то приглушённым голосом вскрикнул:

- Бертель горит!

И в самом деле горел дом Алексея.

Бертеля давно ненавидели его соседи – озовонцы. Они отлично догадывались, куда ушёл он, лишь только красные приблизились к городу. За домом Бертеля была

установлена слежка, и когда он вошёл во двор, об этом мигом стало известно погромщикам.

Славному партизану придумали гнусную, бесчеловечную казнь. Офицеры, озоновцы и солдаты оцепили его дом и зажгли. Алексей и его дочь погибли в пламени, а жена и сын получили тяжкие ожоги. Когда дом догорал – было уже светло, собралась толпа, но никого не допускали тушить дымящиеся обломки...

Переправа

Уже смеркалось, когда стрелковый полк майора К.В. Введенского и военкома Мусатова на автомашинах прибыл на левый берег Немана и остановился в двух километрах от Гродно. Герой Советского Союза комдив М.П. Петров приказал овладеть городом.

Боем предшествовал длительный марш и переброска на автомашинах. Темпы продвижения вперёд были настолько велики, что тылы намного отстали от части. Бойцы были утомлены, тем не менее подъём был необычайный, все безудержно рвались в бой.

Многие, желая драться и умереть как большевики, просили принять их в ряды партии.

Объёмистая полевая сумка отсекала партбюро политрука А.А. Коптева не вмещала уже всех поданных ему заявлений. Часть из них он вынужден был носить в карманах своей шинели...

- С машин! – скомандовал командир второго батальона Яковенко.

Батальон развернулся в боевой порядок. Комбат, находившийся на левом фланге, поставил задачу: быстрым скачком перебраться через Неман и овладеть кладбищами, где по данным разведки скопился противник. Первой шла 4 рота. С ней находился батальон Яковенко. За ней двигалась 5 стрелковая рота во главе со своим командиром коммунистом Касимом Муратовичем Шайхутдиновым.

Против моста противник сосредоточил станковые пулемёты. Завязалась перестрелка через реку. Надо было разведать местность и найти переправу. В разведку вдоль реки пошли: Шайхутдинов, боец-комсомолец И.Н. Бычков и ещё трое красноармейцев. Тем временем младший лейтенант Тимофей Головащук с 1-м взводом 5 роты уже переправлялся через реку на брёвнах.

Спустившись к реке, Бычков увидел на противоположном берегу лодку и людей.

- Лодку дава-а-а-ай! – протяжно крикнул Бычков, сложив рупором ладони.

В эту сырую и тёмную ночь спустились к Неману Яков и Ксения Станиславовы – муж и жена. Тишину нарушили лишь отдалённые выстрелы. Яков и Ксения приготовили две лодки и молча ждали. Когда на другом берегу показались фигуры красноармейцев, Ксения прыгнула в лодку и оттолкнулась веслом от берега. За ней в другой лодке последовал Яков. Ксения первой пристала к левому берегу и позвала бойцов в лодку.

Всплеск вёсел, приглушённые голоса привлекли внимание притаившихся в прибрежных домах бандитов. Где то вверху, в темноте раздалась пулемётная очередь. Чёрная гладь воды вскипела белыми пятнами там, где легли пули.

Под огнём Станиславовы дважды подали лодки нашим славным пехотинцам и дважды выгрузили их на правом берегу. В третий раз, когда лодка была на середине реки, польская пуля поразила Ксению в сердце. Она выпустила весло и склонилась на руки красноармейцев. Лодка пристала к берегу в безмолвии. Бойцы подняли окровавленное тело своей боевой подруги и, пронеся его несколько шагов, опустили на влажную траву. Отделённый командир снял каску. За ним обнажили головы бойцы. Среди них, комкая в руке фуражку, стоял недвижим Яков Станиславов.

Быть может, когданибудь он приведет сюда своих товарищей и покажет им место, орошённое кровью Ксении. Здесь поставят памятник верной и храброй дочери народа, девушки принесут сюда цветы, украдкой прольют слезу и будут петь песни о героях, отважно павших в бою за счастье народа. Но сейчас лишь пули, проносясь над головами, пели свою однообразную песню...

В полголоса отдана команда «вперёд». Бойцы затягивают у подбородка ремешки касок и берут винтовки на-изготовку. Ещё минут – и они скроются в темноте, углубятся в город и вступят в бой, чтобы уничтожить врага.

Яков Станиславов повернулся и пошёл к своей лодке. К её корме он привязал лодку Ксении и налёг на вёсла. На другом берегу его ждал батальон Яковенко.

По переправе стреляли из сада. Выйдя из лодки на берег, комбат приказал во что бы то ни стало обнаружить и подавить огневую точку противника. Затрещали доски забора, отделявшего сад от прибрежной полосы. Шайхутдинов и Бычков первыми вошли в образовавшееся отверстие. Обошли тёмный сад. Никогда не найдя, они вышли на улицу, двинулись по ней и остановились на перекрёстке.

Начался дождь, стало ещё темнее. Одна за другой взвивались осветительные ракеты. После каждой вспышки ракеты противник открывал по красноармейцам ожесточённый огонь. Шайхутдинов приказал рассыпаться и стать ближе к стенам домов. В каждую улицу направили по пулемёту, но противника не было видно.

Вдруг выстрелы раздались где-то вверху. Все подняли головы. Офицеры, засевшие на католическом кладбище, втащили пулемёт на колокольню часовни и строчили оттуда. Бычков прилёг у станкового пулемёта, задрал дуло и полоснул по крыше. вражеский пулемёт замолк. Стало совсем тихо. Было 4 часа утра.

В соседстве с ротой Шайхутдинова действовала 4 рота. Впереди неё шёл Яковенко. Храбрый комбат вёл бойцов на приступ. С пистолетом в одной руке и с гранатой в другой, он поднимался по крутой тропе. Вот уж подъём окончен. Десять шагов отделяли Яковенко от кладбищенской стены, когда навстречу ему полетела польская граната. Сорок пять осколков пились в тело комбата. Яковенко упал. Слабеющей рукой он расстегнул карман гимнастёрки и протянул товарищам окровавленный партбилет...

Неутомимый связист, младший лейтенант Пудов, неотступно следовавший за комбатом, передал в штаб полка заявку: открыть по кладбищу артиллерийский огонь.

Быстро откликнулись меткие артиллеристы. Град шрапнели осыпал кладбище и уничтожил немало бандитов. А бесстрашный Шайхутдинов, мстя за любимого комбата, бросился к самой стене и швырял гранату за гранатой прямо в пулемётные гнёзда противника.

Подвиг танкистов

Вечером 20 сентября командир-танкист Г.М. Морозов получил приказ разведать силы и средства вооружения противника на подходах к городу. В разведку пошли две машины. Чем ближе подходили они к городу, тем чаще раздавались выстрелы. Вот и город. Мрачные дома, узкие переулки. Напуганные польским террором люди появляются у домов и тотчас же скрываются в подъездах. Танки подошли к мосту через Неман и тут их встретили артиллерийским огнём. Машина Анчугова была подбита. Экипаж получил ранения. Морозов поспешил на помощь товарищам, но в этот момент снаряд попал в мотор танка. Мгновенно вытекла вода, но мотор продолжал работать. Нужно было вывести машину из центра ураганного огня. Командир Леготкин приказал выйти из города и вызвать санитарную машину, чтобы оказать помощь экипажу Анчугова. Мотор гудел, работая без воды и перегреваясь, но машина шла. Начало загораться масло, танк наполнился дымом. Дышать было нечем.

Масло горит, двигатель перестал тянуть, - доложил водитель.

До цели оставалось с полкилометра. Тогда башенный стрелок Давиденко пошёл в санитарную часть пешком. За экипажем Анчугова был послан санитарный автомобиль. Морозов до рассвета охранял свой танк. Утром его отбуксировали в тыл.

Настало утро 21 сентября. Тихо и холодно. Над землёй клубится молочно-белый туман. Помертвевшая жёлтая трава полита обильной росой. Сырая глинистая земля прилипает к подошвам сапог.

Вдоль по шоссе, ведущему из Волковыска в Гродно, растянулись автомобили: только что прибыл свежий отряд моторизованной пехоты. Влево от шоссе весь луг занят

танками. Их множество. Танкисты в комбинизонах и шлемах ходят вокруг своих машин, сосредоточенно их оглядывая и ощупывая. Башенные стрелки поворачивают башни, отпускают и поднимают дула орудий. Механики-водители протирают броню и гусеницы, подолгу осматривают моторы.»

...Части не могли вступить в город, минуя большой металлический мост, именовавшийся мостом Пилсудского. Можно было ожидать, что поляки минировали этот мост. К тому же мост и подступы к нему находились под сильным обстрелом...

Произвести разведку комдив приказал полковнику Гессельсону. Сев в броневик, Гессельсон отправился к мосту. В занеманском форштадте (предместье) находился уже третий батальон полка майора Введенского. Пехотинцы вели здесь упорный кровопролитный бой. О броню автомобиля застучали пули. Младший командир подбежал к броневiku и указал на чердак, откуда стреляли. Гессельсон приказал башенному стрелку послать туда несколько снарядов и пулемётных очередей. Пехотинцы вскочили и под прикрытием броневика двинулись вперёд.

На следующем перекрёстке машину полковника встретили политоделцы танкового соединения Подобед и Сенин. Во главе группы красноармейцев, они обстреляли здесь чердак двухэтажного дома, в котором укрылись бандиты. И тут нужна была помощь бронемашин. Броневик развернулся, стал пощобнее и выпустил два снаряда. Но больше стрелять не пришлось. Бойцы бросились в атаку, ворвались в дом и уже подбирались к чердаку.

Машина помчалась дальше под ураганным огнём. Ни на минуту нельзя было открыть броневые двери. Вода в радиаторе нагрелась до 95 градусов, дышать в машине становилось невозможно. Тем не менее броневик достиг моста. Под огнём командиры вышли из машины и обследовали заграждения. Разведка была закончена успешно.

Вот что пишет в дневнике о взятии Гродно комкор А. И. Еременко.

«Ранним утром 21 сентября я был уже на ногах. Ещё не рассеялись предрассветные сумерки. Вновь продумываю план намеченной атаки.

Вот первый артиллерийский выстрел дополнил пулемётную дробь, которая прерывчато трещала всю ночь, а перед рассветом все учащалась. Началась артиллерийская подготовка, а в 10 часов – и общее наступление.

Моя группа атаковала два участка: табачную фабрику, в которой засел противник и укрепленный район моста и казарм. К 11 часам части мотопехоты и танки, атаковавшие укрепление в районе моста, попали под сильный огонь противника. Танки не могли преодолеть укрепления, а пехота не могла продвигаться без танков. Чтобы воодушевить бойцов, я сажусь в бронемашину, выезжаю вперёд, становлюсь во главе танковой группы и веду её в атаку.

В машине нас три человека: механик-водитель Г.С. Топор, помощник башенного стрелка старший лейтенант К.И. Заморин и я, как командир и стрелок. Наш танк привлёк на себя основной огонь противника. Я в долгу не оставался, ведя ответный огонь. После 40-50 – минут боя противник подбил мою машину, заклинил башню. Стрелять и наблюдать стало невозможно и мы вынуждены были отойти в укрытие.

Взяв вторую бронемашину (мехводитель А.П. Дорабонов, помощник башенного стрелка Ермолаев), снова веду танкистов в атаку. Когда я подошёл вплотную к заграждениям на мосту, противник снова, с ещё большей силой открыл огонь. Бронемашин не могли преодолеть препятствие на мосту. После часового боя мотор от чрезмерного перегрева заглох. Минут 30 я вёл огонь и отбивался от противника, но боеприпасы были уже на исходе, прицел повреждён, пулемёт заклинен, мотор не работал и не заводился. Взять нас на буксир было невозможно из-за сильного огня, да и близко никого не было. Тогда искусный шофёр направил машину на крутой спуск по направлению к противнику и завёл машину с хода. После этого, задним ходом, он отвёл её метров на 100-150. Мотор снова заглох. Здесь уже нас, несмотря на сильный огонь, взяли на буксир. В этот момент я успел захватить с собой раненого бойца, который истекал кровью, лёжа на тротуаре.

Когда нас отвезли на буксире, я беру третью машину (водитель С.Ф. Елисеев, помощник башенного стрелка С.И. Новиков) и снова веду танки в атаку. Благодаря замечательному перископу для кругового наблюдения, я сразу же обнаружил и точно определил огневые точки противника и пошёл в атаку на мост.

Мост имел три ряда укреплений, посередине и по краям. Кроме того, улицы, прилегавшие вплотную к мосту, также были укреплены заграждениями. Я разрушил первый ряд препятствий и вышел на мост. Противник открыл по танку со всех сторон ураганный огонь бронебойными пулями из крупнокалиберных пулемётов, а под конец боя из 37 миллиметровой пушки. Впереди было ещё два ряда укреплений – надолбы. В таких условиях танк вступил в бой. Сначала я вёл огонь из пулемёта и выпустил шесть магазинов патронов. Затем перешёл на стрельбу из пушки, а затем – чередуя, в зависимости от цели. Бой я здесь вёл около двух часов, т.е. до тех пор, пока не уничтожил основные огневые точки противника и не расстрелял все боевые припасы.

К концу боя на танке был повреждён пулемёт, разбит прицел, пробит бензиновый бак, ранены водитель Елисеев и мой помощник по стрельбе Новиков. Я получил два лёгких ранения: в нос и в руку.

День шёл уже к концу, наступал вечер. Пользуясь остатками бензина, ещё не успевшего вытечь из пробитого бака, завели танк и двинулись сначала задним ходом с моста, а затем развернулись и ушли на командный пункт...

...Танкистам, первым ворвавшимся в город, пришлось встретиться с новыми, неблагоприятными для танков условиями боя. Ни живой силы, ни боевой техники на улицах не было. Дула пулемётов, винтовок, пистолетов появлялись на мгновение из-за оконных гардин, в слуховых окнах, на крышах и тотчас же исчезали. Обнаружить их из танка, тем более на-ходу, было крайне трудно. Из окон, из-за заборов, на танки летели бутылки и сифоны с бензином и облитые горючим материалом тряпки с привязанными к ним камнями. Строились баррикады, чтобы поймать танк в лавушку. В этих условиях красные танкисты проявили огромное мужество и героизм. Первый советский танк, прошедший через весь город и достигший почты, попал в ров на углу улиц Ожешковой и генерала Орлич-Дрешера.

Остервенелая белогвардейская свора окружила его. Шофёр почты С. Козюковский, находившийся в числе вооружённых бандитов, вылил бензин из бака своей машины.

Этим бензином облили танк и зажгли его.

Комиссар разведывательного батальона старший политрук Павел Алексеевич Казьмин в своём танке мчался через предместье. Машину вёл механик-водитель Добренский. В башне у орудия сидел стрелок Кленов.словно про них поётся в песне:

Их было трое как один-
Стрелок, водитель, командир,
Народ весёлый, молодой,
Народ отважный и простой.
Народ надёжный, словом наш.
В боях бесстрашный экипаж.

Миновали мост. Пули ударились в броню, но не могли причинить ей вреда. Свернули вправо и поехали по Мостовой улице, вдоль казарм 81 полка. Впереди появилась группа офицеров. Увидя приближавшийся танк, они шмыгнули вправо, в узенькую Плебанскую улицу, круто спускавшуюся к Неману. Справа тянулся частокол, которым обнесён казарменный двор, впереди была вода, а слева над рекой стоял небольшой одноэтажный дом № 14. На чердаке этого дома устроили пулемётное гнездо бандиты. Слуховое окошко выходило к Неману против того места, где у самой воды остановился танк Казьмина.

Два-три снаряда и чердак был разрушен. Но из-за стены казармы в танк одна за другой летели гранаты.

Подбитый танк
со всех сторон

Был панской бандой
окружён...

Чтобы лучше отстреливаться, Кленов с пулемётом, Добренький – с винтовкой
вылезли наружу. Казьмин хладнокровно пытался развернуть машину.

В последний час, в кольце глухом
Они смеялись над врагом!

Добренький и Кленов были убиты. Офицеры окружили танк и, открыв люк,
пытались вытащить Казьмина. Ему прострелили руку, грудь, но он не сдавался и
отстреливался из пистолета. Тогда танк облили бензином и подожгли.

Так совершилась казнь троих
В огне смешался пепел их
Но подвиг славный не умрёт
Их память чествует народ...

Смертью храбрых погиб в этот день и коммунист и командир батальона, коммунист
майор Филипп Иванович Квитко.

На одной из улиц города, находясь во главе колонны, он открыл люк своей машины,
чтобы подать следующим сзади танкам команду развернуться. В этот момент его ранили.
Квитко перенесли в подвал ближайшего дома и комиссар батальона Калиниченко уехал за
санитарной машиной. Когда он вернулся, Квитко в этом доме уже не было, а через 2 дня,
окончательно овладев городом, танкисты нашли тело своего командира в Новом замке...

Танк под командованием заместителя политрука Нискерова во время боя попал в
яму. Комсомольцы-танкисты продолжали мужественно драться. Башенный стрелок
Деревянко поливал врага пулемётным огнём. Но вдруг вражеская пуля заклинила башню.
Стрелять стало невозможно. Офицеры окружили танк, крича:

- Большевики, сдавайтесь!

Комсомольцы оборонялись до тех пор, пока на помощь не подошёл один из танков,
уничтоживший офицерскую банду.

Коммунисты и комсомольцы были впереди

21 сентября, в 9 час. 40 минут первый батальон под командой капитана Александра
Голубчикова, действующий на правом фланге полка, достиг костёла и в бою взял 40
оказывавших сопротивление пленных. Комдив приказал обезвредить пленных и двигаться
дальше.

В 10 час. 05 минут второй батальон продвинулся в район церкви. Нелегко далась эта
победа. Сломив атакой 5-ой роты сопротивление на католическом кладбище, комбат
послал две роты к лютеранскому кладбищу, с которого велся сильный пулемётный и
ружейный огонь. 5-я рота справа, 4-я – слева подошли к этому кладбищу. Было приказано
отобрать смельчаков и забросать врага гранатами. В это время противник усилил огонь,
избирая своей целью красных командиров. С правого фланга на рубеж батальона
двинулась колонна польской конницы. Командир приостановил наступление и потребовал
танков. Он перегруппировал батальон, назначил взамен раненых – новых командиров из
числа бойцов. И тут пронеслась радостная весть: танки идут!

Воодушевленные видом грозных машин, бойцы сами, без команды, с криками «ура»
бросились вперёд, уничтожая пеших и конных белополяков.

В 14 час. комбат взял трубку у связиста и вызвал штаб полка. Он доложил майору,
что батальон овладел северо-восточной окраиной рабочего посёлка.

- Как командир?

- Сейчас ранен комроты.

- Куда?

- В ногу, навывлет.

- Пусть остаётся в бою.

- Поляк-аптекарь не даёт медикаментов для перевязки раненых.

- Аптекаря убрать, медикаменты взять.

- Есть – взять медикаменты.

Голос командира полка, твёрдый и в то же время ласковый, слегка осипший от нечеловеческого напряжения – успокаивая бодрил, вносил уверенность в победу. Из трубы доносилось:

- Назначайте рядовых бойцов – коммунистов и комсомольцев – командирами рот и взводов. Сообщите их фамилии для присвоения соответствующих военных званий.

Повеселевшим отошёл комбат от телефона. Его бодрость передавалась бойцам. Роты снова двинулись в наступление.

Противник сопротивлялся ожесточённо. Всё чаще в санитарную часть привозили раненых. Иные приходили пегком, заботливо поддерживаемые товарищами. Мужественно переносили они страдания. Вот в санитарной машине принесли бойца Владимира Куповского. Он приподнялся на локте и, протянув вперёд руку, воскликнул:

- Ещё повоюем! Гадов надо уничтожить!... и без сил опустился на носилки.

Польские стрелки стремились в первую голову выводить из строя командно-политический состав.

Места выбывших из строя командиров занимали коммунисты, комсомольцы, лучшие бойцы. Коммунисты, находившиеся при штабе, рвались в бой. Первым ушёл на передовую линию отсек партбюро Коптев. Широкоплечий, скуластый, порывистый, он подобрал полы шинели, сбежал с командирского вала, перепрыгнул через канаву, выбежал на шоссе и вскочил в машину.

Командир и комиссар полка позвал к себе отсека комсомольского бюро Петра Данилова.

Минувшей ночью Данилов уже побывал в городе. Ему было приказано отыскать и вынести из боя раненого Яковенко. Этот приказ Данилов выполнил, рискуя жизнью. Он доставил к Яковенко врача, организовал усиленную охрану дома, где лежал раненный комбат, и вернулся за санитаром. Продвигаясь ползком среди кустов, Яковенко снесли на плаще к реке и уложили в лодку. Вёсел не было. Младший лейтенант Борисов бросился в воду и поплыл, толкая лодку впереди себя. Яковенко доставили к самолёту и через несколько часов он был уже в Минске. Хирурги спасли ему жизнь.

Во время боя Данилов успел побывать у комсогов почти всех подразделений. 20 человек за это время подали заявления о вступлении в комсомол, 32 комсомолец просили рекомендовать их в партию.

- Церковь видите? – спросил Данилова майор.

- Вижу.

- В этом районе действует капитан Шолохов. Его батальон несёт потери. Идите туда, возглавьте роту, оставшуюся без командира. Назад – ни шагу. Врага уничтожать огнём и штыком. С собой зря не рисковать. Понятно?

- Понятно, товарищ майор.

- Можете идти.

- Есть.

Весёлый, стремительный и чёткий Данилов бросился догонять Коптёва.

Несколько минут спустя удалился комиссар полка – неторопливый, вдумчивый Мусатов. Командиру полка комдив приказал остаться и руководить боем с командного пункта.

В 13 часов кто-то, вернувшись с того берега, принёс полевую сумку отсека. Никто не мог сказать толком, где её взяли и что случилось с Коптевым. Говорили, будто он убит на мосту Пилсудского. Сумка лежала на брезентовой плащ-палатке возле дороги. Потупившись, стояли вокруг нее товарищи отсека...

Бой, тем временем, вступил в решающую фазу. Коммунисты и комсомольцы подбадривали бойцов и заражали их примером бесстрашия. Ярчайший пример большевистского упорства и воли к победе проявил комсомолец-пулемётчик Наппо Навишвили, уроженец Горийского района, Грузинской ССР. Переходя границу, Наппо говорил своим товарищам:

- Если на Грузию нападет враг, белорусы нам помогут.

Он мужественно сражался и увлекал за собой товарищей. Не раз он отражал атаки противника. В его пулемёте вражеской пулей была повреждена боевая втулка. Навишвили берёт другой пулемёт и продолжает стрелять. Бронебойные пули пробивают щит и крышку этого пулемёта. Но сломить волю героя к победе не под силу белой сволочию. Наппо достаёт третий пулемёт и поливает врага смертельным огнём. На этот раз польская пуля попадает в пробку затыльника. Навишвили ещё раз сменяет пулемёт и не прекращает боя до последнего вздоха.

- Товарищи! Убит Навишвили! – крикнул политрук Ефременко. – Отомстим за него!

Отважный грузин отдал свою героическую жизнь, всю без остатка, за свободу братского белорусского народа.

Отвоевываем дом за домом, квартал за кварталом, пехотинцы при поддержке танков продвигались вперёд. С трёх сторон они охватывали центр города.

Пулемётчик А. Драница залёг против здания почты у парка, где скрещиваются улицы Ожешковой и нгенерала Орлич-Дрешера. Он провёл ночь и день, не сходя с места и не отрывая рук от пулемёта. По нему стреляли сразу с четырёх сторон. С трёх сторон его окружили два ручных и один станковый пулемёт, а с четвёртой стороны, из окна третьего этажа, стрелял из пистолета переодетый офицер. Ночью нельзя было его обнаружить. Лишь когда рассвело, Драница увидел негодя, скрывавшегося за шторами и цветочным горшком. Выждав, когда бандит стал целиться, Драница дал очередь и свинцовой струей перерезали ему руку.

Вражеские пулемёты не переставали строчить. Пули ложились вокруг. Все кирпичи кругом были искрошены ими. Но позиция, выбранная отважным пулемётчиком, была очень удачна. Драница оставался неуязвим.

В 15 часов командиру полка позвонил помкомвзвода роты связи Липатов. С нескрываемой радостью он доложил:

- Явились семеро гродненских комсомольцев. Вооружены винтовками. Усеют стрелять, знают расположение противника.

В 16 часов стало известно, что в районе офицерского городка полностью уничтожен обоз противника, готовившегося к эвакуации.

Вскоре снова позвонил командир второго батальона. Обросший жесткой щетиной, осипший, с обострившимися скулами и поерасневшими глазами, Введенский спустился в окоп, к укрытому плащём телефону и присел на кучу влажного песка. Он сдвинул на бок каску, чтобы приложить к уху трубку. Комбат докладывал, что дерётся с бандой, засевшей на чердаке одного из домов.

Майор ответил:

- Отберите десять смельчаков и дайте им хорошего командира. Пусть обойдут дом без выстрела, взберутся на чердак и сбросят оттуда сволочь живьём!.. Передайте бойцам мой приказ: в 50 метрах от себя не оставлять ни одного живого противника. В плен не сдаваться. Отличившихся представьте к награждению. Ещё раз предупреждаю: берегите себя. Вы – командир, без вас бойцам придётся плохо. Укрепляйтесь, с наступлением ночи начинайте расчистку занятой местности...

В 19 часов было взято католическое кладбище – важнейший стратегический пункт обороны. И другое, не менее радостное известие облетело полк: отсекр Коптев был цел и невредим.

Спустившись к Неману, Коптев решил, что лучше не рисковать «партийным хозяйством» полка и отправить сумку в штаб. Он оставил сумку в машине, а сам пошёл по берегу, нашёл лодку и без вёсел, гребя руками, переехал на правую сторону. Он оставался с первым батальоном до конца сражения.

Четыре раза Коптев водил бойцов в атаку, заражая их примером большевистского бесстрашия. В то же время он вёл партийную работу, поддерживая связь с парторганами и рядовыми коммунистами.

С боем были взяты имение Друцк и железнодорожный мост. Когда батальон достиг казармы, Коптев поднялся и крикнул:

- Вперёд, в атаку! За родину! За Сталина!

Все, как один, поднялись за отсекром и бросились вперёд. Казарма была взята, в ней было захвачено 85 пленных.

За несколько дней до выступления части были пополнены рядовым и начальствующим составом, призванным из запаса. Бойцы и начсостав запаса на деле показали себя превосходно. Они также храбро, умело и самоотверженно бились с врагом, как и войска кадра.

В разгар боя на командный пункт пришёл человек, показавшийся нам немного странным и даже забавным. Ничего воинственного в его облике не было. Наоборот, вид он имел сугубо партикулярный. Одет был, как запасный, к тому же наспех обмундированный. Неуклюжая шинель без знаков различия и петлиц, пилотка без звёздочки, тяжёлые сапоги. За плечами винтовка. На вид этому человеку было под 50. Полное, добродушное лицо, очки в золотой оправе, близорукие, улыбающиеся глаза. Двигался он быстро, даже суетливо, тяжело душал и вытирал пот со лба. Подходил ко всем подряд, радостно улыбался и протягивал пухлую руку:

- Иванов, Александр Иванович. Здрасьте!

И суровые люди невольно улыбались и отвечали:

- Здравствуйте, Александр Иванович.

Подошёл он и к комдиву. Прищурил глаза, весело улыбнулся и протянул руку:

- Иванов, Александр Иванович.

Когда Александр Иванович удалился, командир полка сказал:

- Бывший чекист. Теперь – профессор, строитель. Работает у нас при штабе...

В этот день Иванов дважды побывал в городе.

Он заходил в дома и усевшись, словно в гостях, заводил разговоры с жителями. И через несколько часов вернулся цел и невредим, принес с собой несколько планов города Гродно. Для этого он, оказывается и ходил в город.

Вскоре Иванов снова исчез и вернулся только вечером, очень усталый и очень довольный собой. Он похвастался, что изобрёл новый приём уличного боя. В чём этот приём заключался – мы узнали лишь день спустя от юного воспитанника полка Володи Жуковского и расскажем об этом ниже.

Осенний день близился к концу. Стемнело рано, усилился дождь.

Эту ночь, тёмную и холодную, части провели в чужом городе, окружённые врагами. В эту ночь стало известно, что на восток от Гродно, правее кладбища и поместья, скопились регулярные силы противника, - конница и пехота – которые готовят обход и хотят, перебравшись на левый берег, атаковать штабы и отрезать находившиеся в городе части. Но капитан Голубчиков не дал врагу осуществить этот план. Лишь только белополяки двинулись вперёд, он перестроил батальон и ответил на удар ударом. В этой схватке отличилась пулемётная рота лейтенанта Згоняйко, заставившая отступить противника, значительно превосходившего её по силам.

Под утро белополяки, не выдержав натиска, покинули город и стали отходить на северо-запад, к Августовским лесам...

После боя

Настало 22 сентября. Ветер разогнал тучи и быстро сушил землю, траву, отяжелевшие от влаги шинели. То и дело выглядывало яркое солнце. Комкор Болдин приказал вступить в город. Прямо по дороге через мост Пилсудского пошли танки и бронемашины. Остальные части под прикрытием зенитных пулемётов и противотанковых пушек двинулись обходом справа, через мост, находившийся выше по течению Немана.

Здесь, в районе имения Друцк, по обеим сторонам Лидского шоссе войскам представилась картина недавнего боя. Защищая подступы к городу, поляки залегли в канавах вдоль дороги и на межах огородов. Защитники речипосполитой польской так и

остались лежать здесь цепями, с перекошенными лицами, с запекшейся на мундирах кровью. Сейчас снайперы первого батальона могли убедиться в своей меткости: большинство белополяков были поражены в голову. Проходившие мимо жители надвигали четырёхугольные фуражки – «рогатывки» на омерзительные лица трупов. При входе в город, поперёк улицы лежала откормленная лошадь. Круп её был пробит насквозь снарядом противотанковой пушки. Следы разгрома противника вели к кладбищу.

Красноармейцы столпились у калитки небольшого домика на пригорке. Худая и бедно одетая белоруска поила бойцов, наполняла их фляги водой. Ей помогала девочка-подросток. Вот обе они скрылись за забором, а через минуту вернулись вновь. Дочь – с ведром свежей воды, а мать с полным фартуком помидоров. Красноармейцы голоны, но не хотят принимать угощение без денег. Добрая женщина обижена неожиданным отказом. Она хватается красноармейцев за руки, сует им помидоры в карманы.

Почти двое суток над этой жилой кровлей бушевала боевая гроза и свистели пули, а вдова и её дочь, не смыкая глаз ждала бойцов-освободителей. Ненадёжный был тыл господ офицеров!

Путь в город частям указывал Пётр Наумович Петушков – безработный белорус, широкоплечий, русский, с прищуренными голубыми глазами.

Как только первые выстрелы загревели у околицы Гродно, Петушков встретил передовых бойцов, взял карабин, одел подсумки с патронами, приколот красную ленточку к потрёпанному пальто и пошёл драться с ненавистным офицерём. Он перевозил красноармейцев на лодке, показывал им наименее опасный путь, вместе с бойцами окапывался и вёл огонь по врагу, вместе с ними атаковал пулемётное гнездо, устроенное в бывшем пороховом погребе у лютеранского кладбища. Сейчас многие красноармейцы уже знали Петушкова. Они хлопали его по плечу, а он угощал их принесённой из дому махоркой.

- Ну, Петушков, много поляков убил?

Петушков застенчиво улыбался, клал карабин и присаживался на корточки, что-бы скрутить сигарку.

Но не успели командиры снять свои отсыревшие шинели и спасительные каски, как сверху, на пригорке из за деревьев раздались залпы. Тотчас загревели выстрелы и на кладбище. Майор приказал прижаться к стене. Отделения бойцов были высланы на поиски. Нападавшие скрылись, не приняв схватки.

Подразделения двинулись вниз по улице, обыскивая дома, дворы, сараи, погреба и сады. То и дело выводили тех, кто пытался отстреливаться. Дома, где сопротивление было особенно сильным, забрасывали гранатами. Так части прочесали весь город, очищая его от последних остатков вражьей нечисти.

На Подольной улице еврейская беднота высыпала на панели и восторженно приветствовала войска, освободившие её от власти погромщиков. На перекрёстке с громки криками сутились несколько десятков жителей. В этом месте мостовая была разобрана и улицу пересекал ров. Жители выкопали его вчера по приказу офицеров, чтобы поймать в ловушку советские танки. А сегодня, лишь только появились красноармейцы, те же люди без всякого приказа кинулись засыпать канаву и таскать обратно булыжники.

Александр Иванов присел на тротуаре под забором и наблюдал этот первый в Гродно субботник. Видимо, ни разу ещё труд не доставлял этим людям столько радости, как сегодня. Ни разу ещё общая цель не объединяла обитателей этого гетто – безработных, ремесленников, копеечных лавочников и синагогальных служек.

Сюда подвели молодого еврея-сапожника – жертву только что отгремевшего погрома. Вид юноши заставлял содрагаться. Щеки, скулы и лоб его представляли собой один сплошной фиолетовый, кровоподтёк, а глазные впадины и веки были черны, как уголь.

Разговорившись с несчастным и с приведшими его людьми, мы не заметили, как часть наша, прочесав улицу, скрылась из виду. Жители стали быстро расходиться по домам. Из-за поворота улицы затрещали выстрелы. Через минуту стрельба донеслась с

ближайшего пригорка на противоположной стороне улицы. Пули зарывались в землю в нескольких шагах. Нас окружали. Надо было уходить. Еврейская семья гостеприимно открыла двери своей убогой квартиры. Переждав немного, мы вышли наружу. Темнело. Город опустел. Не было видно ни своих, ни чужих. Мы пересекли замерший Гродно и на северной окраине догнали полк.

День 23 сентября был первым днём новой жизни в Гродно. Красные части взяли под свою защиту жизнь и имущество населения. Эксплоатация, насилие и предприятия.

Жизнь входила в нормальную колею.

В четырёх километрах от города, в живописной берёзовой роще расположился на отдых полк майор Введенского. Бесконечной вереницей выстроилась вдоль опушки автоколонна. Тут же стояла походная радиоустановка и из рупора громко звучали радостные песни. В роще у костров бойцы варили пищу, сушили одежду, чистили оружие, мылись, брились и писали письма домой. Каждый спешил поделиться с близкими людьми радостью победы. Вот, у самой опушки, на солнышке устроился красноармеец И.Н. Чудин. На коленях у него каска – она заменяет сейчас письменный стол. На каску Чудин положил свой блокнот и торопливо выводит: «Здравствуйте, дорогие родители – папаша, мамаша, сестрица Маня и Вера. Сообщаю вам, что я в настоящее время нахожусь жив, здоров, того и вам желаю, здоровыми и счастливыми быть навсегда. Также хочу сообщить о том, что письмо я ваше получил...»

Быстро написав это привычное начало. Чудин задумался. Предстояло написать столько нового и важного! А времени было мало: вот-вот тронется автомобиль, который должен отвезти почту в Минск. И, подумав, Чудин перешёл сразу к самому главному: «Как вы знаете, поляки Западную Белоруссию взяли в свои руки и стали сильно эксплуатировать белорусов. В начале сентября месяца, когда Польша впуталась в войну с Германией, польские паны для войны отбирали весь хлеб, скот и забирали на фронт белорусов. Польские паны зверски расправлялись с рабочими и крестьянами.

Наша партия и правительство и весь многомиллионный народ решили помочь своим братьям и, как вы знаете, 17 сентября мы прорвали польскую границу и помчались на машинах по городам и сёлам. Панов стреляли и брали в плен.

На каждом доме города и деревни сияли красные флаги. Рабочие и крестьяне здорово нас приветствовали. Когда мы проезжали по улицам города, то они нам кричали громкое «ура»!

На остановках мы с рабочими беседовали. Они много интересовались и много расспрашивали и жизни в СССР. Сейчас мы отбили город Гродно. Я остался жив и невредим, т.е. ни одна вражеская пуля даже не зацепила меня, но зато мои пули зря не прадали. Так что, дорогие родители, не обижайтесь, что я долго вам не давал ответа, как видно было некогда заниматься письмами».

Написав это Чудин вздохнул с облегчением, сунул за голенище карандаш и вынул пачку табака. Самое трудное было уже позади. Теперь оставалось лишь приписать обычную концовку. И, закулив, Чудин закончил.

«Больше писать нечего, обо мне же не беспокойтесь. Как получите моё письмо, давайте ответ по старому адресу. Затем досвиданья. Ваш сын Иван Никифорович Чудин».

Майор Введенский впервые отоспался сегодня всласть, сидя в своей машине. Здесь было невероятно тесно. Чемодан, каска, гранаты, бинокль и целая кipa карт занимали все заднее сиденье. Проснувшись утром, Константин Владимирович с наслаждением помылся из фляги и ухитрился до синевы выбрить свои щёки перед зеркальцем, находящимся возле сиденья шофёра. Затем он достал из чемодана парадную гимнастёрку и пилотку, начистил до блеска сапоги и совершенно преобразился. Занимаясь своим туалетом, командир полка отвечал на вопросы подходивших к нему командиров, выслушивал доклады, отдавал распоряжения. Тут же, в машине, он продиктовал статью в «Правду» - «Подробности боев за Гродно».

Возле командирской машины горел костёр. Семнадцатилетний красноармеец, воспитанник полка Володя Жуковский варил в котелке кофе.

Жуковский упросил командиров пустить его в бой. В городе он встретил троих красноармейцев, отставших от своей роты, принял над ними команду и целые сутки воевал, уничтожив своим снайперским огнём добрую дюжину офицеров. Помимо всего прочего, Жуковский добыл и привёз в штаб четыре грузовика трофеев: тут были сигареты «Ковбой», офицерские галеты с тмином и сладкое кофе в пачках.

Варить это кофе он начал ещё вечером, как только расположились в роще. И все время, как хлебосольный хозяин, он когонибудь да угощал своим трофейным лакомством.

- Скоро все выкипит, а его нет. Запропастился, чорт – ворчал безусый снайпер.

- Это вы кого?

- Да тут знакомый один. Присоединился к нам вчера в городе и всюду с нами ходил. Пожилой такой. Забыл, как звать. Засели мы в одной квартире. Кругом сволочей полно, а где они – не увидишь. Не выказывают себя. Вот он, этот самый то, и говорит: «Вы сидите тут, а я пойду перебежку сделаю. По мне бить начнут, а вы глядите, откуда стрелять будут». Так мы и сделали. Он вышел на улицу, а из чердака напротив сразу пулемёт показался, да по нему – трах. А я по пулемёту – трах, ну и с первой очереди его подавил. Так мы стали с ним действовать. И здорово у нас получилось... Ух, наконецто он! Где это вы запропастились? Кофе-то выкипел весь...

Я обернулся. К костру подходил Александр Иванович.

Здесь же, в берёзовой роще находился и Петушков. Он помогал допрашивать пленных и не раз по приказанию командиров ездил в город, чтобы навести справки и установить личность задержанных. Штаб был занят подсчётом потерь и трофеев. Наши потери оказались незначительными. Зато противник потерял: убитыми – 1 капитана, 306 офицеров, 68 подофицеров и капралов; пленными – 500 младших офицеров и 1.000 солдат. Нам досталось 176 станковых пулемётов, 2.545 различных винтовок, 1.000 ручных гранат, 360 артиллерийских снарядов, 98.000 патронов, 124 револьвера и 45 сабель – не считая прочего военного снаряжения и имущества.

Всесторонне анализировались особенности уличного боя. В условиях города особенное значение приобретает тесное взаимодействие танков с пехотой. Опыт показал, что из строя были выведены те танки, которые, уйдя вперёд, оторвались от пехоты. Новое выявилось и в применении «карманной артиллерии». Мало уметь бросать гранату вдаль – в окоп, в блиндаж или в пулемётное гнездо. Надо иметь особую сноровку, чтобы метнуть её в окно второго или третьего этажа. То же самое можно сказать и о применении гранатомёта и миномёта.

...Гродно навсегда остался в памяти бойцов, как славная страница их многообразной кипучей жизни. А жители города долго ещё будут с благодарностью вспоминать тех, кто их освободил, кто пролил кровь и отдал жизнь за святое дело воссоединения белорусского народа...»

Пётр Лидов